

В ПОИСКАХ ИНСИГНИЙ СЛУЖИЛЫХ ЧИНГИСИДОВ
В РОССИИ XVI—XVII в.

В последнее время усилился интерес к предметам, которые могли играть роль регалий у казанских и касимовских царей, а также иных Чингисидов в России. В первую очередь это, конечно же, касается так называемой казанской шапки. Отдельные исследователи настаивают на ее казанском происхождении [Валеева-Сулейманова]. Хотя в целом этот взгляд не нашел поддержки у российских специалистов [Постникова-Лосева, с. 158; Лаврентьев, 2001, с. 182; Мареева; Мартынова]. А. В. Лаврентьев занимает в этом вопросе особую позицию и пытается доказать, что она была изготовлена татарскими ювелирами (из Казани или Касимова) вскоре после падения Казани. Действительно, это единственная корона российских государей, не увенчанная крестом. При этом исследователь даже делает попытку назвать мастера. По его мнению, это ювелир («золотарь») касимовского царя Шах-Али б. Шейх-Аулеара Устокасим [Лаврентьев, 2008]. В настоящее время эта версия еще ждет своей проверки. Другие исследователи добавляют в трофеи московских царей также астраханскую и сибирскую шапки [Исхаков], несмотря на то, что сибирская корона имеет явное западноевропейское происхождение [Лаврентьев, 2001, с. 174—200]. В нашу задачу не входит разбор этих версий. Мы попытаемся собрать воедино все известные упоминания предметов, принадлежавших Чингисидам, проживавшим в России в XVI—XVII в., которые могли рассматриваться русским и татарским населением как регалии, подчеркивавшие особое положение их владельца. При этом нам следует ответить на вопрос: существовали ли в России рассматриваемого периода особые знаки власти Чингисидов, признаваемые как русским, так и татарским населением страны?

Известно, что в Крымском ханстве к регалиям относили пышные одежды, возможно, специально пожалованные турецким султаном новонареченному хану, знамя, барабан, литавры, также полученные от султана. Помимо этого, упоминаются доспехи, шлем, сабля, лук, стрелы (полный комплект или даже комплекты парадного вооружения). В данном списке имелись также корона, «закон» (судя по всему, сборник законов) и родовая тамга. Еще В. Д. Смирнов отмечал явную анекдотичность или курьезность главного источника наших знаний об этих предметах. Они изображены на одном из листов дела о подтверждении прав на дворянство титулярного советника Игнатия Татаринова и содержат смесь властных атрибутов, присущих как восточной, так и западной традиции [Смирнов, с. 227, 239, 253—254, 259—260]. Это не мешает, однако, отдельным исследователям всецело принимать данную информацию на веру [Исхаков]. Мы однозначно отвергаем только корону. Что касается иных предметов, то попытаемся проследить, в каких случаях они напрямую или же косвенно упоминаются в русских документах. Как правило, они касаются придворного этикета или же посольского церемониала. Также следует отметить, что по отношению к более раннему периоду (XIII в. и несколько позднее) как ханские инсигнии отмечены знамя, зонтик из красной или желтой ткани, кресло с головами драконов, седло и конское снаряжение, воинский барабан, наборный пояс, шапка-орбегле, жезл и, возможно, парадная золотая и серебряная посуда [Крамаровский, 2001, с. 30—71; Крамаровский, 2002, с. 212—213; Юрченко, с. 417].

Парадные одежды — шуба. Следует сказать, что уже в XVI в. шуба являлась обязательным даром, подносимым Чингисиду, выехавшему на имя московского государя. Могли пожаловать шубой и при иных приездах на аудиенцию к царю (великому князю). Как минимум, с рубежа XVI—XVII в. возникает традиция ежегодного награждения шубами отдельных категорий

татарских царей и царевичей в России [Беляков, 2005, с. 23; Беляков, 2007]. Как правило, это были царевичи на положении кормовых татар (главный источник их существования — «поденный» корм деньгами и питьем, реже еще и отдельными продуктами питания). В более ранний период подобный источник содержания неизвестен. Здесь можно провести определенные параллели с правилами, существовавшими в Крыму и Стамбуле. После провозглашения султаном очередного крымского хана на последнего надевали парчовую соболью шубу или же присылали ее, если данный человек не находился в это время при особе султана. При этом хан не снимал ее до тех пор, пока она совсем не придет в негодность [Смирнов, с. 253–254].

Шлем. В коллекции Оружейной палаты хранится шлем из булатной стали иранского производства XVI в., который в описях государевой казны именовался «шапкой ерихонской кучюмовской». Поверхность шлема декорирована изящным восточным растительным орнаментом, шлем имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. Эта «шапка» была преподнесена в дар царю Алексею Михайловичу боярином Борисом Петровичем Шереметевым. Традиция связывала этот предмет с именем хана Кучума. Действительно ли это так и каким образом парадный шлем хана попал к Шереметеву, неизвестно. Однако при Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор Кучума, что послужило причиной его выдачи 27 января 1664 г. потомку Кучума, его внуку, сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу (Иш-Мухаммед б. Алтанай), который должен был находиться в нем на «государском смотре у наряду» (артиллерии) [Пчелов; Комаров, с. 177; Комаров, Яблонская, с. 54]. Шлем играл роль короны также и в европейских странах [Орел и лев, с. 56–57].

Доспех. Известно, что Большие Ногаи настойчиво просили Москву прислать им панцирь последнего казанского хана Ядгар-Мухаммеда. Их просьба также настойчиво не замечалась¹. Мы вправе предположить, что панцирь любого Чингисида носил определенную знаковую нагрузку, которая была тем больше, чем выше положение имел его обладатель или чем больший след он оставил в народной памяти. Но для этого необязательно было происходить из «золотого рода». Мы можем привести пример доспехов Ермака, которым приписывались чудодейственные магические свойства и обладать которыми так стремились отдельные калмыцкие тайши [Миллер, с. 259–260, 486–487; Бахрушин]. Значит, панцири служилых Чингисидов, исполнявших роль номинальных полковых воевод в войнах, которые вела Россия на протяжении XVI–XVII в., также носили статус регалии. В первую очередь это, конечно же, относится к представителям «золотого рода», обладавшим царским титулом.

Знамя. Мы не имеем прямых указаний о знаменах (бунчуках), у Чингисидов в России. Хотя они, скорее всего, существовали и выполняли на поле боя ту же функцию, что и знамена русских воинов. Однако в нашем распоряжении имеется отдельный факт, позволяющий предположить, что свои знамена имели также и представители «золотого рода», никогда не участвовавшие в военных действиях и не имевшие собственного военного отряда. Так, хивинский (ургенчский) царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед в первой половине XVII в. просил своих среднеазиатских родственников прислать ему «копейцо булатное что бывает на знамяни»². Данный факт интересен для нас еще и тем, что показывает стремление Чингисида даже в мелких деталях повторить облик привычного ему с детства предмета. При этом ему очень важен был факт среднеазиатского происхождения «копейца». Трудно поверить, что в тогдашней Москве кузнецы не смогли бы выковать его по описанию или же по рисунку.

Отдельные предметы вооружения. Здесь мы имеем возможность упомянуть несколько предметов ведения боя, а именно лук, стрелы и саблю.

---

¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 253.

² Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Л., 1932. Вып. III. С. 305–308.

Лук и стрелы. Царевич Авган-Мухаммед как минимум дважды преподносил луки и стрелы в дар царю Михаилу Федоровичу, в 1632/1633 г. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 286]³ и 11 июня 1633 г.⁴ Следует отметить, что стрела имела в кочевом мире разнообразные функции. На ней, в частности, могли приносить клятву.

Сабля. Касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан 31 декабря 1609 г. на аудиенции у Лжедмитрия II обменялся с ним подарками. Чингисид преподнес позолоченную саблю, украшенную бирюзой, и золотую цепь с драгоценными камнями. Лжедмитрий в ответ подарил царю нож из чистого золота⁵. Следующий раз «сабля кизылбашская, полоса булатная; ножны поволочены хозом черным; оправа железная, навожена золотом» (оценена в 5 рублей) была поднесена царевичем Авган-Мухаммедом царю Михаилу Федоровичу в 1632/1633 г. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 286].

Литавры (Тулумбас). Тулумбас — (тур. *tulumbaz*) — украинский, русский, турецкий, персидский ударный музыкальный инструмент, седельный барабан. Применялся с XVII в. как воинский сигнальный инструмент. Согласно польским источникам XVII в., тулумбас — турецкий барабан, бубен с колокольцами, а также цимбалы, в старину применявшиеся турецкой ратью. По другим сведениям, тулумбас — металлические литавры (польск. *koły*, белорус. *катлы*) с кожаной мембраной, по которой ударяли медным прутком или так называемой воцгагой (кожаной плетью с утолщением на конце). Небольшие тулумбасы (конные) привязывали спереди к седлу всадника. В XVII—XVIII в. они широко использовались в полувоенном быту казаков Запорожской Сечи на Украине для созыва собраний и подачи сигналов тревоги [Музыкальная энциклопедия, с. 630]. На Востоке тулумбас служил царским подарком полунезависимым владельцам [Энциклопедический словарь, с. 46]. В нашем случае это именно седельный барабан. В 1633/1634 г. царевич Авган-Мухаммед преподнес царю Михаилу Федоровичу 2 тулумбаса «навожены золотом, по краем обведены тесмою шелковою полосатою; привязка и тесма шолкова зелена; от седка подушки бархат алой». Их оценили по 5 рублей [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 286]⁶. Однако в нашем случае Михаил Федорович не увидел в данном подношении оскорбления для себя. Судя по всему, тулумбасы являлись частыми подношениями московским царям в XVII в. Их, в частности, преподносили и отдельные среднеазиатские купцы⁷. Достаточно интересно было бы узнать историю появления данных предметов в России. Мы можем предложить две версии. Тулумбасы могли быть вывезены самим царевичем как некоторые статусные вещи еще в 1621 г. [Беляков, 2007]. Однако в реалиях новой жизни они оказались ему не нужны. Известно, что Авган не принимал участия в каких-либо военных действиях. Поэтому от них решили избавиться как от ненужных вещей, когда окончательно стало ясно, что Москва не собирается помогать вернуть Чингисиду отобранное у него наследство отца. По другой версии царевич сам мог заказать тулумбасы у своих родственников в Средней Азии или же у восточных купцов специально для подарка царю. Важно установить, имел ли тулумбас какое-либо придворно-церемониальное значение в России. В настоящее время это неизвестно.

Герб. Тарак. Тамга. В России XVI—XVII в. зафиксирован только один пример использования Чингисидами родовых знаков. Плененные сибирские царевичи Аблай и Тауке (Тявка), дети Ишима б. Кучума, специально для отправки своим родственникам в Сибирь в 1639 г. на бумаге поставили родовую тамгу: «да царевич же де Тевка... написал на бумаге пятно, а сказал: то де у нас слово тамга» [Трепавлов, с. 177]. В Москве настолько заинтересовались «пятном», что отправили с послами только одно. Второе сохранилось в архиве Посольского

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 4. Л. 391.

⁴ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 91–92.

⁵ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1994. С. 131.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 4. Л. 382 об. — 383.

⁷ Там же.

приказа. Кстати, это единственный на настоящий момент известный нам автограф Чингисида столь раннего времени. На основании этого мы можем утверждать, что если тамга и употреблялась в России служилыми царями и царевичами, то ее использование находилось вне ведения московских властей. Позднее князья Сибирские (потомки сибирского царевича Алтана б. Кучума) иногда использовали герб Сибири как родовой.

Закон. Здесь мы имеем только два примера, когда закон (письменное собрание законодательных актов, уложение) можно рассматривать как знак власти. Первый раз мы видим данный факт в самом начале XVI в. Когда в декабре 1508 г. казанскому царю Абд ал-Латифу б. Ибрагиму «пожаловали» город Юрьев Польский (доходы с города и уезда), ему дали некий судебник⁸. Скорее всего, это был судебник 1497 г. или же выписи из него. По-видимому, Чингисид получил указания о размерах взимаемых судебных пошлин, которые шли в его пользу, и, возможно, некоторых статей, которые могли касаться татар его двора. Второй раз мы видим упоминание закона в «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека, написанном в Касимове в 1602 г. Говоря о правлении царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана в Касимове, автор пишет, что тот «правой рукой действовал по шариату, а левой рукой — согласно высочайшему указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых» [Усманов, с. 90]. Тем самым подчеркивалась двойственность власти касимовского царя. В более позднюю эпоху, когда право суда Чингисидов полностью исчезло из практики, от «закона» в его осязаемом виде остались исключительно жалованные грамоты с красной восковой печатью на красном же шелковом шнуре, даваемые Чингисидам на их обширные поместья.

Помимо перечисленных предметов определенное статусное значение могли иметь и некоторые иные.

Сулея (матара). Фляга с пробкой, которая крепится к корпусу на цепи. Начиная с XVI в. является одним из символов верховной власти в Турции. 2 августа 1653 г. касимовский царевич Сеид-Бурхан б. Арслан (по другим данным, его двоюродный дед сибирский царевич Алтана б. Кучум) преподнес сулею турецкой работы царю Алексею Михайловичу. В настоящее время данный предмет отождествляется с матарой, хранящейся в собрании Оружейной палаты [Искусство Блистательной Порты, с. 120–123; Вельяминов-Зернов, 1866, с. 205; Вельтман, с. 144, 179; Древности Российского государства, отд. V, № 38]⁹. Возможно, сулею могли еще называть и амагилом [Потехина, с. 37–48]¹⁰. По приезде в Москву большой группы Кучумовичей в 1599 г. отдельные несовершеннолетние царевичи стали требовать себе серебряные амагилы¹¹. В архиве Посольского приказа сохранилось послание ногайского бия Исмаила 1551 г., в котором он в благодарность за свою лояльность по отношению к Ивану IV просит следующие подарки: «шубу и тягилия из горностая, шатер, два отреза сукна, сулею и два серебряных кубка, и немецкое железо» [Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, с. 101].

Седло. Нельзя не сказать, что в русской традиции седло в определенных ситуациях могло рассматриваться как походный трон. Это наблюдение, правда, делалось только по отношению к московскому царю [Мельникова]. Но, скорее всего, мы можем с уверенностью переносить эти наблюдения и на представителей «золотого рода» в России. Известно, что на просторах Евразии длительное время бытовала традиция изображения геральдических животных на седлах. Тем более что в степном мире столица была там, где в это время находился хан [Савинов]. Это также прослеживается на примере Крыма [Смирнов, с. 207]. Следует отметить, что дорогие седла регулярно встречаются среди «запросов» крымских царевичей и ногайских мирз.

⁸ СГГД. М., 1819. Т. II. С. 30–31, № 26; М., 1894. Т. V. С. 38, № 55.

⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. Л. 20.

¹⁰ Акты исторические, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. С. 17.

¹¹ Там же. С. 21–22.

Лошадь. В условиях, когда главным видом транспорта являлась лошадь, наличие дорогих скакунов и упряжи также подчеркивало особый статус того или иного человека. При первом въезде Чингисида в Москву ему еще на подступах к столице жаловали из царских (великокняжеских) конюшен (позднее давали на время церемонии) дорогих лошадей с парадной сбруей¹². При вторичных визитах в столицу лошади давались для проезда во дворец на царскую аудиенцию. У многих Чингисидов, проживавших в России, могли иметься и собственные дорогие лошади. Известно, что в 1653 г. сибирский царевич Алтанай б. Кучум преподнес Алексею Михайловичу двух лошадей («конь сер» и «иноходец бур» 8 и 7 лет) стоимостью в 90 и 70 рублей соответственно¹³. Татарские цари и царевичи могли также заниматься перепродажей ногайских лошадей¹⁴. Разводили они и своих скакунов. Так, в Касимове отмечено значительное количество конюхов во дворах Чингисидов¹⁵.

Трон. Время от времени можно услышать о якобы переданном в Рязанский краеведческий музей из музея Рязанской ученой архивной комиссии троне касимовских царей. По-видимому, это деревянное, достаточно грубо сработанное кресло (стул) без следов покраски, спинка и подлокотники которого имеют сквозной повторяющийся резной узор в виде соприкасающихся друг с другом волнистых линий, расположенных по вертикали и напоминающих расположение нитей при вязке. Восточные мотивы в его декоре отсутствуют. Специальных исследований данного предмета не проводилось. В музее оно хранится без атрибуции. В настоящее время считается, что оно относится к XVII в. Однако это далеко не окончательная датировка. Вполне возможно, что его изготовили значительно позже, в XVIII или даже XIX в. Все же в целом данное кресло соответствует русским образцам XVI–XVII в. как по форме, так и по орнаменту. Н. Н. Соболев называет подобные произведения «предметами крестьянского мебельного искусства» и подчеркивает, что они чаще встречались в монастырях и скитах как особо почетные места для сидения и реже в домах простых обывателей [Соболев, с. 275–276]. В Касимовском краеведческом музее в настоящее время выставлено подобное кресло (значится, как трон последней ханши Фатимы-султан Шакуловой, супруги царя Арслана б. Али), но в более плохом, нежели в Рязани, состоянии. Хотя все же следует отметить, что кресла долгое время рассматривались в России как определенные статусные вещи. Поэтому, не имея результатов дополнительных исследований, мы не можем полностью отвергать версию о том, что данные предметы каким-либо образом связаны с последними касимовскими царевичами. Хотя, конечно же, тронами они являться не могли. Традиция наличия в Касимове, как, впрочем, и во многих других мусульманских державах, подобных атрибутов власти не зафиксирована. Следует отметить, что традиционно функцию трона выполняла белая кошма (четырёхугольный кусок войлока). Упоминание при провозглашении Ураз-Мухаммеда касимовским царем «золотой кошмы» [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 403] можно рассматривать как еще одно косвенное подтверждение того факта, что сценарий данной церемонии был составлен в Москве и не имел традиции ни в Касимове, ни в каком-либо ином городе, «жалуемом» Чингисидам.

Хутба. Пятничная молитва с провозглашением имени правителя. Здесь мы вступаем на зыбкое поле предположений. В источниках хутба встречается только один раз, при объявлении касимовским царем Ураз-Мухаммеда. Было бы интересно выяснить, каким образом упоминались в ней Ураз-Мухаммед и Борис Федорович. Важно установить, когда в мечетях на территории России стали провозглашать имя московского государя. Принципиальным следует признать вопрос: бытовала ли данная традиция в Касимове до и после Ураз-Мухаммеда? Известно, что

¹² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 78–79.

¹³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. Л. 20.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1627 г. Д. 36. Л. 1–4.

¹⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1.

Годунов был склонен к определенным нововведениям по отношению к мусульманским народам, в той или иной степени находящимся в зависимости от него. К сожалению, на настоящий момент ответить на данные вопросы не представляется возможным. Здесь нужно отметить, что мечети, скорее всего, существовали и в других городах, в которых проживали служилые Чингисиды. Но нам не известно, провозглашалось ли в них имя номинальных правителей данных территорий, а также имя верховного сюзерена, московского великого князя (царя). Мы знаем только, что в Крыму во время пятничной молитвы первенствующее имя турецкого султана стало произноситься достаточно поздно, только при Ислам-Гирее II (1584–1588 г.) [Смирнов, с. 240–241].

Монетная регалия. Необходимо отметить, что в положении Чингисидов в России имеются определенные параллели с отношением к представителям «золотого рода» в Стамбуле, где их называли господами «хутбэ и монеты». Скорее всего, мы никогда не узнаем, существовала ли в иных городах за пределами Касимова практика упоминания имени местного Чингисида на пятничной молитве, а вот права чеканить собственные деньги они не имели точно. Упомянутая Н. И. Шишкиным некая серебряная монета с именем касимовского царя Шах-Али б. Шейх-Аулеара («Шах-Али царь Касимовский 1553 год») не внушает никакого доверия исследователям. Вызывают вопросы уже ее размеры — с двадцатикопеечную монету конца XIX в. (диаметром около 22 мм) [Шишкин, с. 32]. Правильность перевода, сделанного касимовским муллоу, вызывала сомнения уже в конце XIX в. В своем письме к правителю дел Рязанской ученой архивной комиссии А. В. Селиванову А. К. Марков, хранитель восточных монет в отделе нумизматики Эрмитажа, пишет, что Н. И. Шишкин во время приезда в Петербург сообщил о нахождении монеты, на которой прочли только «Шах-Али»¹⁶. Данные сомнения подтверждает и другой случай. В Касимовском краеведческом музее хранится серебряная обрезанная монета весом 1,2 г (КП-1676), которую ранее атрибутировали как казанскую. Однако А.А. Гомзин установил, что она была отчеканена в вилайете Гюлистан при Мюрид хане в 1361/1362 г. (Указано А.А. Гомзиным.)

Капторга (коранница). Коробочка для хранения Корана или же отдельных сур из него. Известна капторга с выгравированной на крышке родословной касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана [Fraehn; Крачковская, с. 273, 281; Земное искусство]. Вполне возможно, что капторга в паре с писаными законами (правильнее каким-то их символом, если вновь обратиться к приведенной цитате из Кадыр-Али-бека, то на данную роль лучше всего подходит кнут, точнее ногайка) также играла роль властной регалии в условиях походного времени. От этой же эпохи до нас дошла капторга с выгравированной владельческой надписью сибирского мирзы имеддеша Исинея Карамышева сына Мусаитова, который множеством нитей был связан с сибирскими Шибанидами и Ураз-Мухаммедом б. Онданом [Казани — 1000 лет, с. 106; Золото, с. 27]. Известно, что И. Карамышев играл в Мещере периода Смутного времени большое, если даже в некоторые моменты не ключевое, значение [Беляков, 2012]. Если это не простое совпадение, то данный предмет носил в данном месте и в данное время дополнительную смысловую нагрузку, которая не понятна нам. Возможно, это была попытка в зримых и понятных для татар Мещеры образах подчеркнуть свою власть и ее природу, или даже заявка на нечто большее, на что Исенею Карамышев не имел прав.

Нужно отметить, что эти капторги были сделаны из серебра (у И. Карамышева украшены бирюзой), что было нетипичным. Богато украшенные коранницы из драгоценных металлов известны у женщин. Мужчины же чаще просто зашивали отдельные суры из Корана в одежду.

Каменные дворец, мечеть, мавзолей (текие). Они имелись только в одном городе, в Касимове. Все здания были построены царем Шах-Али б. Шейх-Аулеаром. Для этого, скорее всего, требовалось личное разрешение Ивана IV. По крайней мере, для строительства мечети,

¹⁶ Государственный архив Рязанской области. Ф. 1368. Д. 1159. Л. 3–3 об.

ставшей на долгие годы единственным действующим каменным культовым сооружением мусульман на территории страны. Благодаря этому автоматически поднялся престиж касимовских Чингисидов по сравнению с остальными представителями рода в России. Каменное текие также имело большое значение для представителей «золотого рода». Мы видим, что именно здесь были похоронены последующие касимовские «правители» и ближайшие члены их семей. Когда места в родовой усыпальнице не осталось, были построены еще 2 мавзолея царя Арслана б. Али и царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда. Мы видим, что престиж касимовских Чингисидов повышался тем фактом, что они стали хранителями родовых гробниц.

Отдельно следует остановиться на предметах, ставших дарами московскому царю в XVII столетии. Здесь мы вынуждены поднять вопросы, на которые в настоящее время нет однозначных ответов. В каких случаях Чингисиды подносили дары московским монархам и их детям? Существовали ли здесь определенные правила? Изменялась ли данная традиция во времени? На эти вопросы мы сможем ответить только в случае обнаружения новых источников по данной проблеме. Дело в том, что по периоду с 30-х годов XVII в. мы, скорее всего, обладаем полной информацией. О более раннем периоде нам практически ничего не известно. Возможно, ситуация несколько прояснится, если со временем обнаружатся какие-либо выписки из казанских и астраханских посольских дел.

Мы можем только предположить, что первоначально при добровольном выезде на имя московского государя Чингисиды осуществляли некие подношения. Хотя, вполне возможно, этикетная норма не требовала этого. В начале XVII в. традиция могла измениться. При этом инициатором, скорее всего, стал ургенчский царевич Авган. Причины данного явления можно усмотреть в перипетиях жизни царевича на новой родине [Беляков, 2007]. Члены его двора и он сам неоднократно становились участниками громких разбирательств. Когда царевичу в очередной раз понадобилось добиться положительного решения по какому-то вопросу, не связанному с его материальным содержанием, от Михаила Федоровича, он решил сделать государю подношение. Скорее всего, это произошло 11 июня 1633 г. Тогда путем возвращения дарителю большей части подаренного указали на излишность данного жеста. Здесь нужно помнить, что в Москве строго следили за тем, чтобы обмен подарками не наносил ущерба величию русского государя. Поэтому, как и в других составляющих элементах посольского церемониала, существовала определенная иерархическая система, в соответствии с которой дарить поминки русскому государю мог только узкий круг иностранных монархов, тех, кого Кремль признавал «ровней». Так, в конце XVI в. Кремль вернул подарки, привезенные грузинским царем Александром, с целью подчеркнуть неравенство его с русским государем. При этом грузинам было заявлено, что «у государя нашего столько его царские казны, что Иверскую землю велит серебром насыпать, а золотом покрыть, да и то не дорого» [Юзефович, с. 125]. Мы не знаем, подразумевался ли в нашем случае подобный контекст. Известно только, что подношения продолжались и далее, но в несколько меньших размерах. Подношений от сибирских и касимовских царей и царевичей Описание царской казны на Казенном дворе 1640 г. не фиксирует¹⁷. Хотя причины для этого были более серьезные, нежели у ургенчского царевича.

Жизнь Авгана в Москве нам известна неплохо. Поэтому мы можем попытаться восстановить причины этих подношений. В 1624 г. по обвинению в «непригожих словах» арестовали аталыка и абыза царевича. Их сослали в Новгород и Сольвычегодск, где они сидели по тюрьмам до 1627/1628 г., после чего были отпущены на поселение. 10 января 1633 г. в Новгороде из «нятства» был отпущен аталык царевича. В Москву он смог вернуться весной этого же года. Несколько позднее отпустили на поруки царевича и абыза [Беляков, 2007, с. 100]. Не была ли это искренняя

---

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 4.

благодарность Чингисида по случаю возвращения во двор столь дорогих ему людей? Два других подношения в настоящее время достаточно трудно связать с событиями из жизни царевича. Либо мы должны делать определенные натяжки. Так, 9 декабря 1638 г. у Авгана родился сын Мухаммед-Эмин¹⁸. Было бы возможно связать рождение долгожданного сына с подношением царю шкуры уссурийского тигра (бабр русских источников). Но оно было сделано не позднее 31 августа 1638 г.

В 1653 г. мы видим уже совсем иную ситуацию. Перед нами явное стремление Алексея Михайловича «возродить» практику XVI в. по использованию служилых Чингисидов для возвеличивания образа православного государя. При этом «возрождение» происходило так, как ее понимали в середине XVII в. Этого, возможно, попытались добиться в том числе и возобновлением ложной церемонии подношения даров. В данном случае они фактически превратились в посольские дары от вассалов царских кровей. Это вполне могло стать новой этикетной придворной традицией. Однако крещение в 1654 г. практически всех Чингисидов, проживавших к тому времени в России, не дало ей закрепиться [Беляков, 2011]. При этом в Посольском приказе, возможно, была составлена справка, где были отмечены предметы, которые могли иметь функции властных регалий в тех или иных восточных странах. Косвенным подтверждением данной версии может служить практическое использование «шапки ерихонской кучюмовской», а также активное привлечение к участию в придворном церемониале касимовских и сибирских царевичей именно в царствование Алексея Михайловича [Вельяминов-Зернов, 1866; Вельяминов-Зернов, 1887]¹⁹.

Нельзя не сказать, что татарские цари и царевичи сами в какой-то момент превратились в своеобразные живые регалии. Своим присутствием на тех или иных дворцовых и дипломатических церемониях они должны были подчеркивать величие православного государя как царя царей [Беляков, 2010]. Особенно наглядно это подчеркивает традиция, когда при встрече иностранных послов в XVI в. зрительное присутствие татарских царей заменялось расположенными рядом с тронном казанской и астраханской шапками.

***

Итак, мы рассмотрели широкий список предметов и понятий, которые в той или иной степени можно отнести под определение статусных. При этом в ряде случаев он был специально приближен к апокрифичному перечню предметов, помещенных на рисунке из дела о дворянстве Игнатия Татаринова. Теперь мы можем сделать определенные выводы. Мы вынуждены констатировать, что представители «золотого рода», по тем или иным причинам оказавшиеся в России, продолжали обладать некими статусными предметами, которые можно рассматривать как властные регалии. Вопрос в том, насколько широка была та группа людей, что разделяла их мнение по этому вопросу. Скорее всего, в каждом конкретном случае ситуация была различной. Это могло быть как все население России, так и только татары или еще уже — только члены двора конкретного татарского царя или царевича. Найти здесь решение тяжело уже потому, что целый ряд упоминаемых предметов (лошадь, одежда, оружие) имели определенную смысловую нагрузку далеко не только по отношению к Чингисидам или же татарам, а были фактически универсальными показателями особого статуса практически у всех народов. Значения иных символов (лук, стрелы), если они имелись, скрыты от нас. Следует признать и наличие достаточно смелых предположений автора (капторга). Пока остается без ответа и другой важный вопрос: как к использованию того или иного статусного объекта относились русские люди, и в первую очередь царь? Рассматривалось ли это явление как составляющая часть общегосударственной политики по поднятию престижа православного монарха и, как следствие, подвергалось всесторонней регламентации или же

---

¹⁸ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 401, 403.

¹⁹ Дворцовые разряды: В 4 т. СПб., 1850–1855; Дополнения к Тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854; Дополнения к Дворцовым разрядам. М., 1882. Ч. 1.

считалось «домашним делом» конкретного Чингисида? На этот вопрос в настоящее время мы не можем дать однозначный ответ. Хотя и делаем отдельные предположения. Вполне возможно, что для некоторых представителей «золотого рода» было важно обладать определенными предметами, которые ранее принадлежали их отцу или брату, как неким косвенным подтверждением своих прав. Лучше всего на подобную роль подходят доспехи и оружие. Ведь именно они служили главным опознавательным знаком на поле боя. Тем самым обладающий ими немного превращался в их прежнего владельца. Это могло иметь значение в первую очередь для Чингисидов, обладавших собственными военными отрядами.

Подобный расширенный список рассматриваемых предметов позволяет нам надеяться, что со временем в столичных и провинциальных музеях обнаружатся новые вещи, в свое время принадлежавшие отдельным представителям «золотого рода» в России или их ближайшему окружению, что, в свою очередь, позволит нам лучше понять жизнь татарских царей и царевичей в России XVI–XVII в. Определенные надежды на это сохраняются.

И все же нам следует вернуться к вопросу о бытовании в России особых регалий Чингисидов. Здесь, рассмотрев все имеющиеся в нашем распоряжении данные, мы должны констатировать, что в России Московском царстве у представителей «золотого рода», судя по всему, предметы, которые можно было бы назвать особыми атрибутами власти, безусловно признаваемыми всеми категориями населения государства, отсутствовали.

Литература

- Бахрушин С. В. Кольчуга князя П. И. Шуйского // Сборник Оружейной палаты. М., 1925. С. 118–124.
- Беляков А. В. Участие сибирского царевича Алтана ибн Кучума в событиях Смутного времени // Мининские чтения: 2004. Н. Новгород, 2005. С. 21–36.
- Беляков А. В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Туркологический сборник: 2006. М., 2007. С. 95–112.
- Беляков А. В. Служилые Чингисиды в дипломатическом этикете России XVI–XVII вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). СПб., 2010. С. 33–36.
- Беляков А. В. Крещение Чингисидов // Российская история. 2011. № 1. С. 107–113.
- Беляков А. В. Исиней Карамышев сын Мусайтов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 82–87.
- Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. Казань, 2009. С. 86–115.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны русских царей — памятники татарской культуры // Татарское возрождение. Эпоха и личность. Казань, 2000. С. 213–229.
- Вельтман А. Московская Оружейная палата. Изд. 2-е. М., 1860.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. 3.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1887. Ч. 4.
- Древности Российского государства. М., 1853.
- Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 13 июня — 17 сентября 2000 г. СПб., 2000.
- Золото. Металл богов и царь металлов. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2007.
- Искусство Блистательной Порты. Каталог выставки. М., 2008.
- Исхаков Д. М. Быть верными с друзьями и притворно равнодушными с врагами. (Культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) // Гасарлы авазы / Эхо веков. 2007. № 1. [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/02/02_5/
- Казани — 1000 лет. Иллюстрированный каталог выставки. Казань, 2003.
- Комаров И. А. Шлем — шапка ерихонская кучумовская // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: «премудрая двоица». М., 2005.

- Комаров И. А., Яблонская Е. А. Парадное оружие русских царей XVI–XVII веков. М., 2006. С. 54.
- Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крамаровский М. Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник: 2001. М., 2002. С. 212–224.
- Крачковская В. А. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. // Советское востоковедение. М., 1949. Т. VI. С. 271–301.
- Лаврентьев А. В. Царевич-царь-цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001.
- Лаврентьев А. В. Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори. (Славяне и их соседи. Вып. 12.) М., 2008. С. 99–117.
- Мареева О. В. Шапка Казанская: Уточнение атрибуции // Художественный металл в России. Материалы конференции памяти Г. Н. Бочарова. Москва, 22–24 апреля 1998 г. М., 2001. С. 52–60.
- Мартынова М. В. Царские венцы первых Романовых // Искусство Средневековой Руси. М., 1999 (Государственные музеи московского кремля. Материалы и исследования. Т. XII). С. 296–297.
- Мельникова О. Б. Образ империи: церемониальные процессии в России XVII–XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образ власти в политической культуре России. М., 2000. С. 95–115.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. I.
- Музыкальная энциклопедия. М., 1981. Т. V.
- Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке. (Каталог выставки). М., 2001.
- Постникова-Лосева М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI–XVII вв. // Гос. Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 139–216.
- Потехина Е. С. Фонематическое консонантное варьирование иноязычных слов в русском языке. Дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2000.
- Пчелов Е. В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (66). С. 13–22.
- Савинов Д. Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 19–24.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М., 2005. Т. I.
- Соболев Н. Н. Стили в мебели. М., 1995.
- Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.
- Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
- Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1999.
- Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXIV.
- Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. М., 2007.
- Юрченко А. Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник: 2007–2008. М., 2009. С. 410–423.
- Fraehn C. M. *Variae inscriptiones arabicae vel primo explanatae vel nvis post alios curis* // *Memoires de l' Akademie Imperiale des sciences de St. Petersburg*. St. Petersburg, 1822. T. VIII. S. 497–556.